

На правах рукописи

ЛИДЖИЕВА Анна Сергеевна

**Семантика соматизмов в составе фразеологизмов
(на материале калмыцкого языка и языка ойратов Китая)**

Специальность: 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(калмыцкий язык)

Автореферат
диссертации на соискание
учёной степени кандидата филологических наук

Москва

2021

Работа выполнена на кафедре калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».

Научный руководитель: **Мушаев Владимир Наранович**,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой калмыцкого языка,
монголистики и алтаистики ФГБОУВО
«КалмГУ им. Б.Б. Городовикова»

Официальные оппоненты: **Харанутова Дарима Шагдуровна**,
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и общего
языкознания Бурятского
государственного университета
им. Д. Банзарова.

Намжавин Содмон Намжавинович,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры восточных языков Института
иностранных языков ФГБОУВО
«Московский педагогический
государственный университет»

Ведущая организация: ФГБУН «Калмыцкий научный центр
РАН»

Защита диссертации состоится «13» мая 2021 г. в 14:00 на заседании диссертационного совета Д 002.006.01 при ФГБУН «Институт языкознания РАН» по адресу: 129009, Москва, Большой Кисловский пер.1 стр.1, конференц-зал. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБУН «Институт языкознания РАН» по адресу: <https://iling-ran.ru/web/>

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Е.М. Девяткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современные исследования по фразеологии связаны в первую очередь с изучением состава, семантики, структуры и особенностей функционирования фразеологических единиц (ФЕ), их экспрессивных и оценочных характеристик. По-прежнему актуальным остается вопрос о самом понятии фразеологической единицы, ее соотношении со словом и другими смежными единицами.

Фразеологические единицы – это средства образного отражения окружающего мира, вобравшие в себя культурные, религиозные и иные представления этноса. ФЕ придают особую эмоциональную окраску устной речи, обогащают выразительность языка фольклорных произведений и художественной литературы. Их роль в качестве стилистического средства очень велика.

Особый интерес представляют соматические фразеологические единицы (СФЕ), которые содержат лексемы, обозначающие части тела человека или животного. Лингвисты стали изучать соматизмы (наименование происходит от греч. *soma* – тело) лишь в конце XX – начале XXI веков. Высокая продуктивность соматической лексики в составе фразеологизмов определяется непосредственно онтогенетическими свойствами частей тела.

Актуальность темы исследования обусловлена следующими причинами:

- во-первых, важностью комплексного изучения соматической фразеологии калмыцкого языка и языка ойратов Китая в лексико-семантическом аспекте;

- во-вторых, неизученностью проблемы национально-культурного своеобразия фразеологизмов с компонентом «части тела», поскольку их изучение на материале калмыцкого языка ранее носило лишь фрагментарный характер;

- в-третьих, вопрос о соотношении паремиологии и фразеологии до сих пор остается открытым.

В связи с этим в данной работе предпринята попытка систематизировать и описать соматические фразеологизмы в лексико-семантическом и отчасти лингвокультурологическом аспектах, а также рассмотреть спектр переносных значений отдельных языковых единиц, связанных с обозначением частей тела в калмыцком языке и близкородственном языке ойратов Китая. Анализ соматических фразеологизмов отражает современное состояние языка, расширяет диапазон лингвистического изучения данных единиц в калмыцком языкознании и монголистике в целом.

Объектом исследования являются соматические фразеологические единицы калмыцкого языка и языка ойратов Китая.

Предмет исследования – этнолингвистические особенности фразеологических единиц калмыцкого языка с компонентом-соматизмом как источник информации о национально-культурных особенностях языковой картины мира калмыков, а также специфика реализации полисемии в соматической фразеологии калмыцкого языка и языка ойратов Китая.

Цель исследования – семасиологический анализ слов, обозначающих части тела и являющихся компонентами фразеологических единиц. В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются следующие задачи:

- выявление и систематизация слов-соматизмов в составе фразеологизмов;
- описание структурно-семантических типов фразеологизмов, в состав которых входят названия частей тела;
- освещение этнолингвистических и лингвокультурологических особенностей фразеологических единиц с компонентами-соматизмами;
- семасиологический анализ компонентов-соматизмов в составе фразеологизмов.

Согласно выдвигаемой в данной работе **гипотезе**, основной пласт СФЕ калмыцкого языка является базовым в отражении картины мира калмыков. Все паремии и фразеологизмы определяют эмотивное отношение человека к тому, что он говорит, как он воспринимает предметы, вещи и явления реального мира. Нельзя также не учитывать случаи варьирования исследуемых единиц под влиянием русского и китайского языков, т.е. связанные с ареалами межъязыкового взаимодействия. В связи с чем наблюдаются и территориальные особенности языка. Это обусловлено тем, что представители данного этноса воспринимали реалии настоящего времени через призму соматических онимов. Соматические фразеологизмы в свою очередь обладают высоким потенциалом метонимии и метафоризации.

На защиту выносятся следующие положения:

– соматические фразеологические единицы являются своеобразным культурным кодом, который актуализируется при категоризации окружающего мира. Данный культурный код участвует в описании различных сфер жизнедеятельности человека. Носитель языка воспринимает окружающий мир через проецирование структуры собственного тела и его функций;

– полисемантизм соматических фразеологизмов калмыцкого языка связан с особенностями концептуализации топографических и функциональных свойств частей тела;

– фразеология калмыцкого языка отражает различные способы моделирования окружающей среды, характерные для данного этноса;

– соматизмы активно участвуют в образовании фразеологизмов, поскольку человек является частью окружающей среды;

– фразеологические единицы с компонентом-соматизмом являются ярким образным средством выразительности калмыцкого языка.

Теоретико-методологической базой исследования являются труды по общей и русской фразеологии Ш. Балли, В.В. Виноградова, С.И. Ожегова, Н.М. Шанского, А.М. Бабкина, В.Н. Телия, В.П. Жукова, В.А. Маслова,

С.Г. Воркачева и др.; труды по фразеологии монгольских языков – Т.А. Бертагаева, Г.Ц. Пюрбеева, Э.Ч. Бардаева, В.Н. Мушаева, Ц.Б. Будаева, Ш.-Н.Р. Цыденжапова, Т.Б. Тагаровой, А.Д. Дармаевой.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в разработке и конкретизации общих положений теории языковой картины мира на материале калмыцкого языка и языка ойратов Китая. Данное исследование будет способствовать расширению сравнительно-типологического изучения семантической структуры ФЕ калмыцкого и других монгольских языков. Полученные результаты могут применяться при изучении лексики и фразеологии калмыцкого языка, а также в лингвокультурологии.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут использоваться при составлении фразеологических, толковых и лингвокультурологических словарей, при разработке специальных курсов по лексикологии, лексикографии и фразеологии калмыцкого языка, при составлении учебных пособий. Исследование позволит создать методику описания ФЕ с компонентом-соматизмом с учетом особенностей национального менталитета и мировосприятия. Полученные результаты имеют особое значение для преподавания калмыцкого языка в школе и в вузе, для теории и практики национальной лексикографии, фразеологии и стилистики.

Методы и подходы исследования. Цель и поставленные в диссертации задачи обусловили использование следующих методов исследования: метод сплошной выборки, компонентного анализа, описательный, количественно-статистический, сравнительно-типологический, классификационный и дистрибутивный методы. В диссертации используется комплексный (лексико-семантический) подход, позволяющий оценить значимость познания мира через части человеческого тела.

Материал исследования. Основной базой исследования является картотека соматических фразеологических единиц калмыцкого языка, выделенных методом сплошной выборки из сборника «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая», монографии Б.Х. Тодаевой «Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар», лексикографических источников, фольклора и произведений калмыцкой литературы. С целью сопоставления к анализу привлекается соматическая лексика и фразеология из синьцзянской и калмыцкой версий героического эпоса «Джангар».

Апробация результатов диссертационного исследования. Результаты работы были апробированы на следующих научных конференциях регионального, российского и международного уровней:

III Международная научно-практическая конференция «Язык, культура и межкультурная коммуникация» (г. Ховд, Монголия, 2012); Международная научная конференция, посвященная 80-летию доктора филологических наук, проф. О.Д. Бухаевой (Улан-Удэ, 2012); Международный конгресс «Фольклор монгольских народов: историческая действительность» (Элиста, 2013); XX Международная конференция, посвященная проблемам общественных наук (Москва, 2014); Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвященная юбилею профессора КалмГУ В.И. Рассадина (Элиста, 2014), Международная научно-практическая конференция, посвященная 75-летию Исык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова «Гармонизация в современных условиях глобализации и интеграции» (г. Каракол, Киргизия, 2015); II региональная научно-методическая конференция (Городовиковск, Калмыкия, 2014).

Отдельные положения диссертации нашли отражение в сборниках научных трудов: «Россия-Монголия: культурная самобытность монголоязычных народов» (Элиста, 2013); «Монголоязычные народы:

культура, традиции, история» (Элиста, 2015), Российско-монгольский лингвистический сборник (Москва, 2015).

По теме диссертации опубликовано 17 работ, четыре из которых – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Общий объем публикаций составляет 4,4 п.л.

Объем и структура работы. Общий объем работы составляет 262 страницы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка использованной литературы и приложения. Библиографический указатель включает 210 наименований, в том числе 8 на калмыцком и монгольском языках. Работа иллюстрирована 12 рисунками и 2 таблицами.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, определены объект и предмет исследования, сформулированы цели и задачи, указывается методологическая база исследования, аргументируется выдвигаемая гипотеза, ее теоретическая и практическая значимость, изложены положения, выносимые на защиту, описана структура диссертации, дается информация об апробации положений исследования.

Первая глава **«Фразеология как лингвистическая дисциплина»** состоит из трех разделов. В разделе 1.1. **«Базовое понятие и определение фразеологической единицы»** излагаются теоретические основы фразеологии, характеризуется понятийно-терминологический аппарат исследования, определяются границы фразеологии в отечественном языкознании. Рассматриваются точки зрения на сущность фразеологической единицы.

Фразеологические единицы являются объектом внимания лингвистов на протяжении многих лет. «Крылатые слова», идиомы, афоризмы, пословицы и поговорки или паремии, устойчивые выражения и т.д. описываются в специальных сборниках, толковых словарях с конца XVIII века.

Возникновение фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины в отечественном языкознании можно отнести к середине 1940-х годов XX века. На основе исследований академика В.В. Виноградова была создана база для комплексного изучения устойчивых выражений и слов в языке. Однако до сих пор не совсем четко определены предмет, задачи, объем и методы изучения фразеологии. Мнения лингвистов расходятся в вопросе о сущности ФЕ. Одни ученые (В.П. Жуков, В.Н. Телия, Н.М. Шанский и др.) относят к фразеологизмам устойчивые сочетания, другие (например, Н.Н. Амосова, А.М. Бабкин, А.И. Смирницкий) – исключительно определенные группы ФЕ.

Недостаточно исследованы вопросы об основных особенностях фразеологических единиц, их классификации, соотношении фразеологизмов с частями речи и т.д. Нет единого мнения, уточняющего понятие фразеологизма, его свойств и признаков. В науке существуют разные взгляды на предмет фразеологии – «узкий» и «широкий»:

а) в «широком» понимании фразеология состоит из словосочетаний, которые полностью переосмысливаются, и словосочетаний, в составе которых имеются не переосмысленные слова-компоненты (О.С. Ахманова, Н.М. Шанский, В.Л. Архангельский, Р.Н. Попов, А.В. Кунин, И.И. Чернышев);

б) в «узком» – фразеология включает в свой состав лишь словосочетания, которые переосмыслены до конца (В.П. Жуков, А.И. Молотков, Н.Н. Амосова, С.И. Ожегов, Е.А. Иванникова). В этих случаях условный характер фразеологической единицы и лексемный характер ее компонентов не ставятся под сомнение данными исследователями. ФЕ изучают как контаминацию признаков слова и идиомы, обращается внимание на омонимичность ФЕ и схожего с ней по структуре словосочетания.

На наш взгляд, фразеологические единицы необходимо рассматривать в «широком» плане, поскольку было бы ошибочно исключить из изучения фразеологического состава языка образования, которые передают суть явления и переходят от свободного к метафорическому словосочетанию.

Неоднородность структурных признаков ФЕ можно объяснить тем, что фразеология объединяет разнообразный языковой материал, границы которого не имеют четких очертаний. Многие вопросы, касающиеся стилистических функций ФЕ и проблем общей фразеологии, требуют дальнейшего изучения.

Раздел 1.2. «Современные подходы к изучению фразеологических образований» посвящен вопросам соотношения языка и культуры этноса,

перспективам лингвокультурологии, рассмотрены аспекты исследования соматической фразеологии.

Соматические фразеологические единицы стали предметом пристального внимания исследователей сравнительно недавно – в конце XX – начале XXI веков. В лингвистику термин «соматический» впервые ввел Ф.О. Вакк (в финноугроведении), который пришел к выводу, что соматическая лексика является древнейшим пластом фразеологии и составляет наиболее продуктивную часть фразеологических единиц языка [Вакк 1964: 23]. Это произошло с пониманием того, что нельзя изучать язык в отрыве от его носителя. Соматическая лексика – это результат познания окружающей действительности через части собственного тела.

Соматизмы наиболее часто становятся объектом изучения в сравнительно-исторических и лингвокультурологических трудах отечественных и зарубежных исследователей. Ученые, как правило, выделяют соматические ФЕ в качестве первой в лексико-семантической системе языка. Соматизмы можно охарактеризовать как имена существительные, обозначающие части тела человека или животного. Фразеологическая единица с компонентом-соматизмом – это фразеологизм, заключающий в своем составе внешние части тела (голова, лоб, нос, рука) и внутренние (кровь, сердце, суставы, жир, почки и др.).

Исследователи соматической лексики обращают внимание на процесс осознания себя как личности. На первый план выходят ощущения, которые возникают с помощью органов чувств и частей тела. По мнению В. Гака, «человек является существом эгоцентричным, считающим себя центральной фигурой во вселенной. Поэтому он воспринимает мир согласно своему подобию» [Гак 1998: 702].

ФЕ с компонентом-соматизмом содержат в своем составе названия как внешних частей тела голова (*лоб, нос, рука*), так и внутренних (*кровь, сердце, суставы, жир, почки* и др.). Соматизмы относятся к высокопродуктивной лексике, они возникают в речи спонтанно, независимо друг от друга, т.к.

имеют общую основу в познании человеком самого себя через собственный организм. Все физические и психические особенности отражаются через соматическую лексику. Переносные значения данных слов ощущаются в семантике СФЕ, однако при этом важную роль играют их первичные прямые значения.

В основе обыденного мышления лежит метафорический принцип, поскольку метафоры являются познавательным инструментом, способом кодирования информации. В монгольской фразеологии к ним можно применить классификацию Н.Д. Арутюновой: 1. номинативные метафоры, состоящие в замене одного дескриптивного значения другим и служащие источником омонимии; 2. образные, служащие развитию фигуральных значений и синонимических средства языка; 3. когнитивные метафоры, возникающие в результате сдвига в сочетаемости предикатных слов (переноса значения) и создающие полисемию; 4. генерализующие метафоры (как конечный результат когнитивной метафоры), стирающие в лексическом значении слова границы между логическими порядками и стимулирующие возникновение логической полисемии [Кульганек 2017: 71].

Соматические фразеологизмы относят к высокочастотной зоне лексического состава любого языка как наиболее древнему пласту. Переносные значения данных слов ощущаются в семантике соматических фразеологизмов, но при этом важную роль играют их первичные прямые значения. Таким образом, соматизмы используются не только в прямом смысле, они имеют символический характер. Все это позволяет определить культурно-исторические коннотации семантической структуры исследуемого языка.

1.3. «Фразеологические единицы и аспекты многозначности в калмыцком языке». Говоря о многозначности, считаем необходимым подробнее остановиться на базовых подходах к данной многоаспектной проблематике.

Язык как система характеризуется способностью непрерывно развиваться. Благодаря этому происходят изменения в структуре и семантике языковых единиц на разных уровнях системы языка, в том числе и лексическом. Это относится и к такому процессу как многозначность. Многозначность (полисемия) – это наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, как правило возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения слова. Ф. де Соссюр и Э. Бенвенист отмечали, что в речевой деятельности в процессе функционирования языковой знак может приобретать несколько значений. То есть знак является многофункциональным несмотря на то, что его осмысление – актуализация компонентов сигматической структуры.

Во-первых, значение слова может являться результатом расширения исходной семантики и ее суждения. Одна из особенностей многозначности – ассоциативное мышление, объединяющее, например, родственников: *баз* 1. свояки, мужья родных сестер (муж самой старшей сестры, жена старшего брата), 2. невестка (жена родного брата/братьев).

Во-вторых, многозначность – взаимосвязанные между собой варианты слов, объединенные одним базовым значением, доминантой: *шу*: 1. лучевая кость, 2. стержень, 3. частица пригл. *шу цокх* (разбить), 4. трещина (в кости); *эки*: 1. мозг, 2. ядро, сердцевина, 3. семя, семена, 4. начало, источник, 5. тесто.

Наиболее частотный способ образования полисемии – метафорический перенос. Так, языковая картина мира калмыков отражает бесспорные и функционально непосредственные связи: *зөг* – пчела, острый, жало.

Если говорить о многозначности в отношении СФЕ, то необходимо отметить, что калмыцким СФЕ свойственно не более двух значений – первичное, номинативное и образное, фигурально-переносное. А фразеологизмы, в которых упоминаются внутренние органы, как правило, передают переживания и внутреннее состояние человека. В целом полисемия в монгольских языках более ограничена, чем в лексике, т.к. устойчивые

обороты и пословично-поговорочная лексика не обладает многозначностью, несмотря на то, что семантические оттенки последних достаточно ощутимы в контексте.

Раздел 1.4. **«Фразеология и паремиология»** рассматривает «широкий» и «узкий» взгляды на фразеологию. Под фразеологизмом подразумевается общее название семантически связанных слов и предложений, которые не производятся в речи в фиксированном отношении семантической структуры и лексико-грамматического состава.

Пословицу называют устойчиво воспроизводимым афоризмом фольклорного происхождения с образной и безобразной структурой значения, которая характеризуется эквивалентностью суждения.

Поговорка – устойчивое выражение, не эквивалентное суждению, обладающее семантической независимостью от внешнего контекста. Ее функция – украшать и разнообразить речь [Алефиренко 2018: 248].

Паремии являются особыми единицами и знаками языка, необходимыми элементами общения, передающими специфическую информацию, обозначающую жизненные ситуации, взаимоотношения между объектами. Пословицы, поговорки и фразеологизмы отличаются своими семантическими, структурными и функциональными особенностями. Они близки, однако имеют принципиальные различия.

В разделе 1.5. **«Фразеология монгольских языков: история изучения, современное состояние и проблемы»** описываются различные аспекты калмыцкой фразеологии. В монголоведении первой значительной работой, в которой изучается лексика и фразеология монгольских языков в сравнительно-сопоставительном плане, является докторская диссертация Т.А. Бертагаева [Бертагаев 1947]. Ученый впервые в монголоведении выделил устойчивые ФЕ как совершенно новый объект изучения, проанализировал ФЕ с точки зрения их семантики, лексического состава, стилистических особенностей, дал их классификацию. Т.А. Бертагаев

разделил ФЕ на две группы: фразеологические сочетания и фразеологические речения (пословицы, поговорки).

Г.Ц. Пюрбеев на примере глагольных ФЕ монгольских языков рассмотрел вопросы, связанные с семантикой, объемом и структурой глагольных фразеологизмов. Э.Ч. Бардаев анализировал типы значений слов, диалектную и терминологическую лексику, стилистические пласты, рассмотрел фразеологическую систему калмыцкого языка. Т.А. Бертагаев, Ц.Б. Будаев, Ш.-Н.Р. Цыденжапов, А.Д. Дармаева изучали фразеологию в «широком» понимании. У.-Ж.Ш. Дондуков придерживается «узкого» взгляда. Т.Б. Тагарова определяет ФЕ как готовую речезыковую структуру, которая воспроизводится в национальном языковом восприятии в готовом виде. В.Н. Мушаев в работе «Фразеологические сочетания современного калмыцкого языка» характеризует фразеологизмы со стороны структуры, значения, образования, сферы употребления и активности-пассивности.

Большая часть фразеологизмов монгольских языков совпадает по структуре, образности и по смыслу, особенно соматические фразеологические единицы. Существуют два структурно-семантических типа ФЕ: фраземы, которые характеризуются переносным значением одного компонента, и идиомы с семантически измененными компонентами. Грамматическая структура идиом и фразем схожа с застывшей структурой переменного сочетания слов. Идиоматические и фразеологические сочетания разделяются на глагольные и именные единицы. Причем преобладают первые из них. Это объясняется тем, что в монгольских языках большая часть сочетаний номинируется именно глагольными единицами.

1.6. Понятия «внешнее / внутреннее». В современной лингвистике неоднократно предпринимались попытки описать, как человек отражается в языке. Некоторые исследователи представляют образ человека в виде текста как «готового» продукта, который сложился и зафиксировался в лексеме, в целом в лексике языка [Стемковская 2000: 85-86].

Если представлять человека в виде текста, можно сформировать образ как знаковую систему. Тогда у человека как у знака есть означаемое и означающее, связанные конвенциональным характером. В языке эти два понятия в проекции на человеческий организм отражаются в образе «внешнего» и «внутреннего человека». Данные понятия используются представителями логического направления в языкознании (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова, В.В. Красных), при этом являясь условными, поскольку подразумевают объект в целом. Из разработок на материале конкретных языков по данной тематике мы выделяем подходы, использованные в кандидатской диссертации М.Г. Букуловой на материале турецкого языка [Букулова 2006].

«Внешний» образ человека является частью «целостного» представления о нем и противопоставляется «внутреннему». Оба они в сопоставлении друг с другом, тем не менее, составляют сущность одного человека.

Во второй главе **«Образ человека в калмыцкой и ойратской языковой картине мира»** описывается отражение феномена человека в языке. Образ человека формируется только на основании языковых данных, а картина мира может являться мотивированной тогда, когда образ объекта подтверждается большой совокупностью фактов, что позволяет создать цельный образ. Исследование языковой картины мира следует начинать с изучения отдельных характерных для данного языка лингвокультурных концептов и с реконструкции «наивного» взгляда на окружающую действительность.

Раздел 2.1. **«Характеристика образа «внешнего» человека в лингвокультуре калмыков».** «Внешний» образ можно составить благодаря восприятию, а «внутренний» проявляется именно через внешнее поведение.

По мнению Н.Д. Арутюновой, сопоставление внутреннего мира с «телесными воплощениями» обуславливается тем, что моделирование внутреннего мира совершается со сравнением внешнего, окружающей

действительности, и соматизмы способны как бы отражать движения души [Арутюнова 1976: 95, Ортега-и-Гассет 2003: 230].

Термин «внешнее», согласно Философскому словарю, отражает свойства целостного предмета, его взаимодействие с окружающим миром, «внутреннее» дает представление о строении предмета, его составе, структуре и связи между составляющими. Поскольку внешнее находится непосредственно на поверхности и обнаруживается в первую очередь, то оно передает связи и свойства предмета, зафиксированные через сенсорные ощущения и в эмпирическом знании; внутреннее, наоборот, не доступно для наблюдения, поэтому его выявляют через теоретическое исследование, т.е. через так называемые «ненаблюдаемые сущности».

Таким образом, исследование «внешнего» образа происходит через чувственно-наглядный способ, а состояние души говорит об исследовании «внутреннего» мира с помощью мышления как результата систематизации информации, полученной через познание.

В первую очередь человек воспринимает окружающим мир через глаза, с помощью зрения, поэтому внешность человека имеет первостепенное значение во фразеологии. Понятие **привлекательности** в калмыцком языке занимает **меньшую часть** семантического пространства фразеологизмов с компонентами-соматизмами, представители данного этноса акцентируют в основном внимание на **непривлекательности** или отрицательных качествах характера человека: *эдгх уга өвчн үкснэс деер, эд болшуга эмиг геесн* деер (неизлечимая болезнь лучше, чем смерть, неисправимую женщину лучше оставить) [ППЗ 2007: 423]. Поэтому СФЕ, описывающие семантическое поле внешней красоты женщины и мужчины, практически отсутствуют.

Женская привлекательность ассоциируется в языке с красным цветом: *сән эмин хачрнь улан* (у хорошей женщины щеки красные) [ППЗ 2007: 29]. Но, тем не менее, настоящая привлекательность заключается не во внешней красоте, а во внутренних качествах. В целом женщина в понимании калмыков имеет второстепенное значение: *мордсн күүнд төркн туслдг уга,*

унх шүднд бүүль туслдг уга (замужней дочери родственники не помогут, а зубам, которым суждено выпасть – десны не помогут) [ППЗ 2007: 67]. Часто говорится об ограниченном уме женщины: *күүкд күүнэ үснь ум болв чигн ухань ахр* (хотя у женщины волосы длинные, но ум короток) [ППЗ 2007: 30].

Упоминания в калмыцком языке **о мужской внешности** практически отсутствуют. Мужчину оценивают за силу, стойкость и другие качества: *залу күүнэ үүл тавг дорнь* (судьба (действия) мужчины под его ступнями) [ППЗ 2007: 26]. Сообразительность, внимательность, ум и жизненная активность являются составляющими счастливой и обеспеченной жизни.

В целом человека могут украшать лицо и глаза, которые являются зеркалом души, внутренних качеств. Положительный или отрицательный взгляд сравнивается с чем-то светлым и высоким: *олни нүдн одта адл* (общественное мнение подобно свету звезд) [ППЗ 2007: 338]. Главное в человеке – это чистые помыслы, светлая душа: *цаһан седклтэ күүнд хаалһнь кезэ чигн секэтэ* (у человека с чистыми помыслами путь всегда открыт) [ППЗ 2007: 237].

С внешностью в первую очередь связано **лицо** как самая выразительная часть тела, которое может быть украшением человека: *эмдин чирэ – алтн, үкснэ чирэ – үмсн* (лицо живого как золото, лицо мертвого – зола) [КЗП 1905: 89]. Чувства, эмоции отражаются на лице с помощью улыбки или хмурого взгляда.

Примеры **ФЕ с компонентами-соматизмами, указывающие на цвет**, единичны. Есть упоминание о красном, белом и черном цветах. Паремия *үсн цаһав, ухан немгдсн уга* (волосы поседали, а ума не прибавилось) [ППЗ 2007: 223] говорит о старости, но не о мудрости. С цветом волос связаны и переживания человека, его внутреннее состояние: *үнн йоввл, үсн цээдг, худл йоввл, ясн цээдг* (если жить по правде – волосы поседеют, если жить по лжи – кости побелеют) [ППЗ 2007: 404]. Пояснение может быть следующее: если всё время обманывать, то можно за это понести наказание – потерять жизнь. А тот, кто живет честно, доживает до старости.

Черный цвет служит в качестве лексической номинации чего-то негативного или незначительного, пустого: *хэлэвл хар нүдтэ, хатхвл хар зусн* (на взгляд – будто черные глаза, если коснуться – черная вязкая жидкость) [ППЗ 2007: 341]. Между тем данный цвет не всегда имеет отрицательную семантику: *хар нульмсн* (горькие (чистые) слезы, букв. черные слезы) [ХҮТ 2019: 223]; *хар чеежлэрни гүвдлх (ноолдх)* – мучиться, терзаться букв. бороться с чистой (черной) своей совестью [ХҮТ 2019: 226].

Красный цвет имеет не только традиционно значение «красивый», в СФЕ этот цвет выражает агрессию, злобу или жадность: *мөңгн цаһан, нүдн улан* (деньги серебряные, глаза красные) [ППЗ 2007: 201], *улан хоолан сунтл хэжкрх* (кричать во всё красное горло) [ХҮТ 1990: 95]. Слово красный служит и для усиления объекта или действия: *улан махмудтан күрх* (обнищать) [ХҮТ 1990: 95], *улан чирэһэн үзх* (встретиться раскрасневшимся лицом к лицу) [ХҮТ 1990: 95].

Таким образом, в описании внешности участвуют следующие компоненты:

А) глаза: *Залынь күүнэ нүд авлм сээхн: зүсн-зүүлин өңг харч солңһтрад, күүнэ нүднд эралжлад бээнэ.* – Бембин Т. (очаровательный, глаз не оторвать) [ХҮТ 2019: 147];

Б) портретная номинация: Преимущественно они есть в эпосе «Джангар» - *алг тэрн нүднь аньлдад* (закрывались его большие чарующие глаза) [Тодаева 1976: 189];

В) лицо: *эмдин чирэ – алтн, үкснэ чирэ – үмсн* (лицо живого словно золото, лицо мертвого словно зола) [ППЗ 2007: 92];

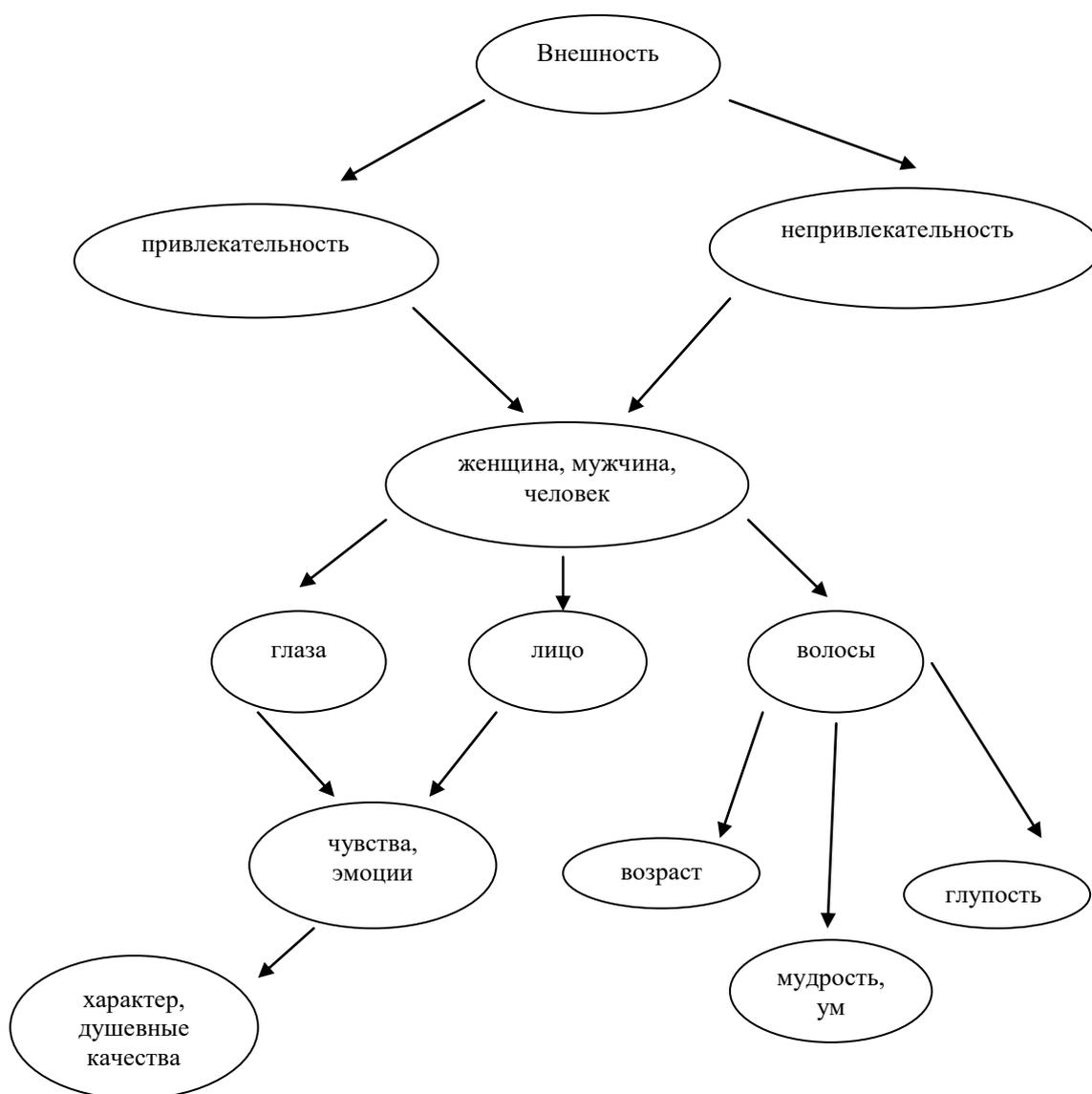
Г) в описании внешности участвуют цветовые характеристики: *үсн цаһав, ухан немгдсн уга* (волосы поседели, а ума не прибавилось) [ППЗ 2007: 223].

Привлекательность человека в калмыцкой культуре не зависит от внешней красоты. Прежде всего играют важную роль внутренние качества, характер. «Внешний» человек является коммуникативно-экспрессивным

образом. В описании его наружности отражается его внутренний мир, основанный на национальном, психоэмоциональном, личностном и интеллектуальном мировосприятии. А внутренний мир, настроение отражается на внешности.

В целом понятия «внешний» и «внутренний» человек тесно взаимосвязаны, одно противопоставляется другому, являясь при этом единым образом. «Внутренний» постигается через «внешний».

Внешность можно представить в виде следующей схемы:

В разделе 2.2. «Характеристика образа «внутреннего» человека в калмыцкой лингвокультуре» рассматривается структура «внутреннего» человека. Внутренний мир человека заключен в душе, сердце, в мыслях и чувствах. «Внутренний» человек в отличие от «внешнего» недоступен для наблюдения, он скрыт от чужого глаза. Информация о внутреннем состоянии прослеживается через концепты языковых единиц.

В структуру «внутреннего» человека включаются эмоции, характер, личностные качества человека (ум, глупость, высокомерие) и т.д. Соматическая лексика калмыцкого языка в большей степени отражает недостатки. В фольклоре очень мало примеров, описывающих эмоции (гнев, сожаление, радость и др.).

Личностные качества, характер – неотъемлемая часть структуры «внутреннего» человека. Фразеосемантическое поле состоит из двух групп: одна содержит общую характеристику поля, другая – частные характеристики.

В **общую характеристику** входят личностные качества и черты характера со следующими основными значениями:

– оценка личностных свойств человека, например, неспособность замечать свои недостатки. Такой человек осуждается:

күүнэ толһадк өвс үздг, эврәннь толһадк өвр үздг уга (на чужой голове видит соломинку, а на своей не замечает рога) [ППЗ 2007: 115];

– черты характера, отражающиеся во внешности, красоте: *кулгиг нүдәрнь, күүг седкләрнь* (скакуна узнают по глазам, человека с чистой душой – по сердцу) [ППЗ 2007: 236].

Следующая подгруппа содержит другие частные характеристики человека:

– силу воли (трудолюбие, лень): *йовдсн күн яс зуух, кевтсн күн цогцан геех* (кто ходит, тот может пожить костью, а кто лежит на боку, может умереть с голоду) [ППЗ 2007: 117];

– нравственные характеристики (подлость, хладнокровность): *Тер Егорован төмр зүрктә, киитн нүдтә, сээхн юм үздго, йосрхг, шаңһа күн болһжәнч?* (Так ты являешься человеком государственным с железным сердцем, холодными глазами, не видящий красивое, властный) – Тачин А. [ХҮТ 2019: 187];

– отношение к другим (болтливость, играть на людях): *олна хургт ахлчин келсн үгәс оньдин тогтурта Нарман уурнь күрәд, бийән бәрж чад луга, амнась көөс цахртл, седклдән бээсэн цуһараһинь келчкв* (всегда спокойный Бадма, разозлившийся от слов начальника, не сдержав себя, с пеной у рта выдал, что было на сердце) [ХҮТ 2019: 117];

– отношение к вещам (алчность, скупость): *гесн цадв чигн, седкл цадх уга* (хотя желудок сытый, но душа не насыщается) [ППЗ 2007: 499], *дурндан хот идәд, гесән татл уга бәәхлә, цогу-маумуд зовдмн* (если есть все, не сдерживая, не умеряя аппетит, то тело мучается) [ХҮТ 2019: 64].

С волевыми качествами связана такая черта характера, как **трудолюбие**. Оно локализуется по представлениям калмыков в руках и ногах: *цецн күүнә – толһад, уяч күүнә – һарт* (талант умного – в голове, талант портного – в руках) [ППЗ 2007: 253]; *ноолдхдан дурта болв чигн һарнь алтн көвүн билә. Дәәнд йир сәәнәр дәәлдсн бәәдлтә. Дөчн негдгч эжил Москван эргнд болсн ик дәәнд орлцад, Улан Туг орденәр ачлгдсн бәәж.* (несмотря на то, что он любил подраться, парень был с золотыми руками, хорошим мастером) - Бадмин А. [ХҮТ 2019: 74].

В калмыцком языке понятие **лени и лености** связано с разными частями тела, в том числе и с волосами: *әрк гивл амни шүлснь һоождг, әжл гивл оран үснь залху* (у них при слове водка слюни текут, при слове работа – волосы на голове не шевельнутся) [ППЗ 2007: 281].

Порядочность, доброта передаются через образы сердца, души: *көк теңгр аһарарн сән, күүкн күн седкләрн сән* (голубое небо красит чистый воздух, девушку украшает душа) [ППЗ 2007: 155]; *мөңг, алт өгснәс миимлзсн*

седкл деер (чем одаривать серебром, золотом, лучше одарить добротой души) [ППЗ 2007: 200].

В структуру «внутреннего» человека входят **интеллектуальные способности**, умственная деятельность. Благодаря своим знаниям, мудрости и уму человек способен мыслить, работать с пользой для себя и окружающих. Ум определяется как способность человека мыслить: *күүнэ кеерул – толһа, толһан кеерул – эһн* (человека украшает голова, голову украшает ум) [ППЗ 2007: 400]; *толһата күүнэ үг күләһэд тулжасн улс хоорндан невчкн зуур күүндлв* (с головой, толковый человек) – Нармин М. [ХҮТ 2019: 187].

Умственная деятельность локализуется в голове какместилище мозга. Понятие глупости передается через уши: *көдлмишчнрин комитетин ахлачнь омгнь шантрад, чикинь цокчкн элжгн мет болж одсн күн болна* (дух начальника рабочего комитета деморализовался, он стал человеком подобно ослу, которого ударили по уху) – Дорджин Б. [ХҮТ 2019: 259].

В целом главное в характере человека – его стержень, характер: *му цогциг сэн зөрг чирдг* (слабое тело поддерживает твердый дух) [ППЗ 2007: 450]. Не так важна внешность, как внутренние качества, чистота души и сердца: *нүдн гэмтхэ, зүркн зөргтэ* (глаза трусливы, сердце отважно) [ППЗ 2007: 360].

Главное в человеке – это чистые помыслы, светлая душа: *цаһан седклтэ күүнд хаалһнь кезэ чигн секэтэ* (у человека с чистыми помыслами путь всегда открыт) [ППЗ 2007: 237], *Сшиврт дала зовлң үзсн хадм эkdән шин ирсн шулун-шудрмг бер эдл-ахуднь нөkd болад, бүлән үгәрн седклинь халулв* (повидавшая много горя в Сибири, пришедшая в дом шустрая невестка, помогала свекрови по хозяйству, согревала душу добрыми словами) [ХҮТ 2019: 171].

Также внутреннее состояние человека может проявляться через внешность: *чееждән байрта, чирэдән инәмсглтэ* (на сердце и душе – радость, на лице – улыбка) [ППЗ 2007: 166].

Умственная усталость осмысливается через образы головы, ног, которые могут разболеться или устать: *эргү толһа көл амрадг уга* (от дурной головы ногам нет покоя) [ППЗ 2007: 470] – глупец сам себе создает проблемы, хлопоты. Это устойчивое выражение имеет много вариантов.

Базовыми составляющими черт «внутреннего человека» являются:

А) трудолюбие/леность: *залхунь толһа өвдлэ гих, мектэнь амн аңһала гих* (ленивый скажет, что голова разболелась, а хитрый скажет, что пить захотелось) [ППЗ 2007: 507]; *һартан үүлтэ, күнд толһата күүкн* (мастерица, рассудительная девушка) – Бадмин А. [ХҮТ 2019: 75];

Б) порядочность /подлость: *урларн ухр кеһэд, келэрн келдүр кех* (из губ изготавливать ложку, из языка – лопату) [ППЗ 2007: 529], *шовуни өңг өднд, күмни өңг седклд* (красота птицы от перьев, красота человека от души, сердца) [ППЗ 2007: 236];

В) щедрость /жадность: *ховдгин нүдн юмнд цадх уга, үквл шорад цадна* (жадный с ненасытными глазами, после смерти земель насытятся) [ППЗ 2007: 497], *аман аңһасинь өгчкэд, тагчг бээнэвидн* (исполняя все прихоти и желания молча) – Доржин Б. [ХКҮ 2019: 29];

Г) доброта/злоба: *жөөлн нүдэр хэлэх* (относиться доброжелательно, испытывать расположение) [ХКҮ 2019: 91]; *седклин хорсажс келх* (говорить обидные слова) [ХҮТ 2019: 173];

Д) ум/глупость: *нег чикэрнь орад наадкарнь һарх* (в одно ухо входит, в другое – выходит) [ППЗ 2007: 559], *толһань алтн* (умная голова) – Бадмин А. [ХҮТ 2019: 186].

«Внешний» человек является коммуникативно-экспрессивным образом. В описании наружности отражается внутренний мир человека, основанный на национальном, психоэмоциональном, личностном и интеллектуальном мировосприятии. А внутренний мир, настроение отражается на внешности. Так складывается целостный образ человека в калмыцком языке и культуре, устанавливается неразрывная связь «внешнего» и «внутреннего».

В третьей главе «Семасиология соматизмов как компонента фразеологизмов» рассматривается понятие семасиологии как раздела языкознания, изучающего значение (содержание, внутреннюю сторону) языковых единиц [Ахманова 1969: 401]. Анализируются СФЕ (включая паремии) с выделением наиболее частотных компонентов. Методом сплошной выборки было выявлено более тысячи соматических фразеологических единиц. В работе используется 63 лексемы-соматизма. Автором сделана классификация по лексико-грамматическому признаку и частотности. Широкое употребление СФЕ обуславливается тем, что части тела являются одним из древнейших слоев в лексике каждого языка, а соматизмы – часть ядра основного словарного фонда. СФЕ в своей основе представляют наблюдения человека, познания окружающей действительности. От важности функций частей тела зависит их продуктивность/непродуктивность, семантическое многообразие и т.д.

Наиболее частотными являются шесть лексем: *толһа* «голова», *нүдн* «глаза», *һар* «руки», *көл* «ноги», *амн* «рот» и *келн* «язык». Проведена классификация калмыцких ФЕ по соматическому признаку:

	<i>толһа</i> голова	<i>келн</i> язык	<i>нүдн</i> глаза	<i>һар</i> руки	<i>көл</i> ноги	<i>амн</i> рот
КОЛ-ВО	67	62	45	41	39	39
%	11,2	10,4	7,6	6,9	6,5	6,5
Итого 49,1 %						

Остальные группы соматизмов являются менее частотными, они составляют менее трех процентов:

	<i>шүдн</i> зубы	<i>ясн</i> кость	<i>күзүн</i> шея	<i>седкл</i> сердце, душа	<i>гесн</i> живот	<i>чирә</i> лицо	<i>цусн</i> кровь	<i>хурһн</i> пальцы	<i>урл</i> губы
КОЛ-ВО	17	16	15	13	13	13	13	12	12
%	2,8	2,6	2,4	2,1	2,1	2,1	2,1	1,9	1,9
	<i>махн</i> мясо	<i>чикн</i> уши	<i>чееж</i> грудь душа	<i>альхн</i> ладони	<i>зүркн</i> сердце	<i>үсн</i> волосы	<i>өөкн</i> жир	<i>нүр</i> лицо	<i>күмсг/ көмсг</i> брови

КОЛ-ВО	12	11	10	10	9	8	8	7	7
%	1,9	1,8	1,6	1,6	1,4	1,2	1,2	1,1	1,1

СФЕ менее 1 %:

0,6 %	0,5 %	0,4 %	0,2 %	0,1 %
5 ФЕ	4 ФЕ	3 ФЕ	2 ФЕ	1 ФЕ
<i>оошк</i> легкие	<i>маңна</i> лоб	<i>таңна</i> небо	<i>махмуд</i> тело	<i>өскя</i> пятка
<i>һуй</i> бедро	<i>хамр</i> нос	<i>бүүл</i> десна	<i>цогц</i> тело	<i>хол</i> горло
<i>сахл</i> борода	<i>нудрм</i> кулак	<i>хумсн</i> ногти	<i>көкн</i> грудь	<i>халх</i> щека
<i>өвдгц</i> колено	<i>нурһн</i> спина	<i>ужрх</i> утолщенная часть рубца	<i>сү</i> подмышка	<i>кит</i> тонкая кишка
	<i>тоха</i> локоть		<i>сормсг/сурмсг</i> брови	<i>кишлһсн</i> волос
	<i>өргн</i> бодородок		<i>киисн</i> пупок	<i>үй</i> суставы
			<i>арсн</i> кожа	<i>судсн</i> артерия
			<i>хачр</i> щека	<i>сеер</i> хребет
			<i>киим</i> толстая кишка	<i>гиил</i> затылок
			<i>тэкм</i> подколенное сухожилие	<i>нульмсн</i> слезы
			<i>тавг</i> ступня	
			<i>сээр</i> крестец, поясниц	
			<i>бөөр</i> почки, бок	
			<i>эркэ</i> большой палец	
			<i>элкн</i> желудок, печень	
			<i>хавсн</i> ребра	
				Итого 50,9 %

Соматические фразеологические единицы отражают отношение человека к окружающей действительности и другим людям, описывают взаимоотношение людей: *сэн күмни амнас сар нарн харна* (от слов доброго человека светло на душе, букв. исходят солнце и луна) [ППЗ 2007: 347].

Часто ФЕ передают физическое и психоэмоциональное состояние человека, его внутренние переживания: *чееждэн цеертэ, седклдэн килэстэ* (умом понимает, что нельзя, а душой страдает) [ППЗ 2007: 504]; *хээмс минь, эдн басл чеежэр зовжах бээдлтэ* (бедные люди, они, видимо, очень переживают душой) – Тачин А. [ХҮТ 2019: 255].

Соматическая лексика характеризует человека, указывает на умственные и другие способности человека: *харин эрдм күмнд заргдна, чеежин эрдм күм зарна* (умелые руки людям служат, а знания – людьми управляют) [ППЗ 2007: 238]; *уурһар мөр бэрлһн – улан харын күчн, тевчһү сээхн седкл - ухан билгин күчн* (поймать коня укрюком зависит от силы рук, а быть обходительным – от ума зависит) [ППЗ 2007: 221].

Очень важна поддержка окружающих: *дөрэн сур дөрвн болхла көлд түшэн, ах дү дөрвн болхла нүтгт түшэн* (если у стремени четыре ремня – поддержка для ног, четыре брата – поддержка для кочевья) [ППЗ 2007: 410].

Человек проводит параллели, сравнивает окружающую действительность со своим организмом. Поэтому чаще всего он использует внешние части тела, то, что он видит. Внешние части тела выступают в качестве своеобразных эталонов при сравнении с окружающими предметами.

При метафорическом употреблении названия одних частей тела выступают как наиболее частотные, например, *көл* «нога»: *Утнасн, чамас талдан күн терүг (бүрүг) көл алдулсн уга боллтал* (Утнасн, кроме тебя его (телка) никто не мог отпустить, потерять) – Доржин Б. [ХҮТ 2019: 115]; *йорал уга уснд көл алддг* (в бездонной глубине ногам не достать дна) [ППЗ 2007: 327];

Шесть наиболее продуктивных соматических фразеологизмов составляют 49,1 процента от общего количества ФЕ.

Внутренние части тела (49 ФЕ) используются реже, вместе они составляют 50,9 процентов соматической лексики – *үсн* «волосы», *хумсн* «ногти»: *мана үзсн тоотыг келэд керг уга. Ода бийнь санад оркхнь, үснэ хуух ирвэтрэд* одна (волосы дыбом встают) – Бадмин А. [ХКУ 2019: 212]; *үни йоввл, үсн цээдг, худл йоввл, ясн цээдг* (если жить по правде – волосы поседеют, если жить по лжи – кости побелеют) [ППЗ 2007: 404];

чирэ «лицо» - *зуһу күмн нүүрэн бардг, зусг яман өөкэн иддг* (льстивый человек теряет своё лицо, коза-двухлетка – свой жир) [ППЗ 2007: 491]; *жжорад өөкн уга, зуһуд нур уга* (у иноходца нет жира, у льстеца нет лица) [ППЗ 2007: 492]. Есть единичные примеры употребления СФЕ – 15 соматизмов: *үй* «суставы», *халх* «щека», *арсн* «кожа», *киисн* «пупок», *килһсн* «волос» и другие.

Наиболее частотные соматизмы можно квалифицировать как слова с широким смыслом, передающим несколько значений. Продуктивность лексем, обозначающих внешние части тела, объясняется легкостью их переосмысления. Часть соматизмов связана с семантикой эмоционально-психической деятельности человека. Внутреннее состояние и эмоции выражаются в большинстве случаев через лексемы *зуркн* (сердце), *чееж* (грудь). Чувства человека отражают процесс взаимодействия человека с окружающим миром, потому в их основе лежат реакции внутренних и внешних частей тела. В языке это отражается в двустороннем коммуникативном процессе. У человека складывается знание о собственном теле, обладающем определенной символикой.

Большая часть соматизмов имеет несколько символических значений, на основе которых возникает метонимический перенос. Калмыцкая соматическая лексика имеет так называемый «двойной антропоцентризм» (происхождение и функционирование). Таким образом, в калмыцкой фразеологии прослеживается семантическая ориентированность на человека и части его тела в прямом и переносном значениях.

В четвертой главе «Соматические лексемы в героическом эпосе «Джангар» анализируются словарные статьи (421), представленные в монографии Б.Х. Тодаевой «Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар».

Из них выявлены 45 соматических единиц в их 110 словоупотреблениях, которые были ранжированы с точки зрения частотности.

В сказочном сюжете эпоса есть примеры различных превращений богатырей, в том числе и в насекомых. Так, Мингиян с целью маскировки обратился в паука: *бийнь нэамн кэлтэ аралжн болад кевтв* (сам превратился в восьминогую паука и лег) [Тодаева 1976: 219].

Калмыки вели кочевой образ жизни и традиционно занимались разведением скота, поэтому в эпосе много примеров, связанных с мясом животных: *нег бортх эрк, нег кэл мах өгтн* (дайте фляжку вина и одну тушку мяса) [Тодаева 1976: 221]. Богатыри имели оружие, которое носили с собой в сапогах: *наһд шар балт нарнь көлд гилвкгсн* (золотисто желтый бердыш возле ног его сверкал под лучами солнца) [Тодаева 1976: 233]. Здесь лексема *кэл* употребляется в переносном значении и в сочетании *нарнь көлд* означает «под лучами солнца».

Лексема *рот* связана со сказочным существом, которое может проглотить, съесть: *амргин хар цурхин амнд амдар өгхнь яһднь?* (что если бросить его живьем в пасть заступницы черной щуки?) [Тодаева 1976: 186].

Рот может сравниваться с частью громадного животного: *өрлвэн амн цаһан гер шүдтэ* (белые резцы в пасти, словно открытые клещи) [Тодаева 1976: 232].

Распространенной лексемой является *цусн* «кровь» (9). Это связано с тем, что в эпосе много сцен сражения, схваток богатырей с врагами или многоголовыми мангасами-чудовищами. На поле битвы проливается много крови: *балтиннь шүрүнднь амд улан цусиг амн хамр хойрарн алд дүңгэ асхад*

һарад одв (жесток был удар бердышом: едет он, и на сажень хлещет алая живая кровь и ртом и носом) [Тодаева 1976: 187].

Есть примеры с названием внутреннего органа человека – *зуркн* (сердце), их всего 4. Значения в основном связаны с эмоциональным состоянием, чувством волнения, восхищения: *болд маля зуркнь ээвлхэһинь гувдад бульглев* (сердце его, словно плетъ из стали, бьется о грудобрюшную преграду) [Тодаева 1976: 198].

В эпосе «Джангар», как и во фразеологии калмыцкого языка, редко употребляются такие лексемы, как *давсг* (мочевой пузырь): *давсиг экэр дола наам сиичлдад одв* (нанесли они друг другу семь-восемь ран повыше мочевого пузыря) [Тодаева 1976: 248].

Отметим, что из 110 соматических единиц наиболее продуктивными являются лексемы *амн* «рот» – 9 единиц, *цусн* «кровь» – 9 единиц, *көл* «ноги» – 8 единиц. Соматизмы *альхн* «ладони», *һар* «руки», *зуркн* «сердце, душа», *толһа* «голова» составили по 4 единицы. Остальные 68 лексем являются непродуктивными (менее 3 единиц). Анализ показал, что по частотности одни и те же части тела повторяются и во фразеологии, и в героическом эпосе «Джангар».

В разделе 4.2. **«Наиболее частотные соматические единицы калмыцкой и синьцзянской версий эпоса «Джангар»** сопоставляются две версии героического эпоса. Нами проанализированы вступление и первые шесть песен каждой версии эпоса.

В проведенном сопоставительном анализе соматические фразеологические единицы рассматриваются с точки зрения частотности. Материалом послужила авторская картотека (56 СФЕ в 231 словоупотреблении в калмыцком языке). Анализу подверглись только пять наиболее частотных соматизмов.

Наиболее частотными в калмыцком языке в обеих версиях являются ФЕ с соматизмами *толһа* (голова), *келн* (язык), *нүдн* (глаз), *һар* (рука), *амн* (рот), *көл* (нога), *цусн* (кровь), *күзүн* (шея). Имеются и единичные примеры

употребления соматизмов – *шүдн* (зубы), *нурһн* (спина, позвоночник) и другие.

Проведенный анализ показал, что во фразеологии обеих версий избыточны слова, называющие органы чувств, посредством которых человек воспринимает действительность, познает ее и самого себя в ней. Наиболее частотными соматическими компонентами по фразеологической активности в составе калмыцкого эпоса «Джангар» являются такие лексемы, как *нога, рот, глаза, рука, кровь*, которые в данном исследовании составляют 56% всех соматических фразеологических единиц. Имеются и единичные примеры ФЕ с компонентом «части тела».

Наиболее частотными соматическими компонентами в составе калмыцких фразеологизмов синьцзянской версии эпоса «Джангар» являются лексемы *нога, глаза, рот, шея, голова* - 46% СФЕ. Имеются единичные примеры соматизмов. Причем в обеих версиях эпоса функционируют одинаковые по частотности соматизмы – *нога, глаза, рот*. Это связано с тем, что во фразеологии калмыков, проживающих на разных территориях, нет больших отличий. Однако в синьцзянской версии есть заимствования из китайского языка, в калмыцкой – из русского, что связано с географическим положением, влиянием других культур на язык.

В заключении обобщены результаты и подведены итоги диссертационного исследования:

1. Фразеология калмыцкого языка отражает ментальные особенности его носителей. В значениях ФЕ с компонентами-соматизмами содержатся представления калмыков о картине мира, что проявляется на примере переносных значений лексем, обозначающих части тела.

2. Рассмотренные СФЕ подтверждают метафорическое языковое мышление как способ осмысления и структурирования знаний об окружающем мире. Метафора выступает познавательным инструментом, закодированным понятием в сознании человека. Соматическая лексика

сконцентрирована вокруг названий частей тела, и она отражает традиционное мировосприятие и самовосприятие человека.

3. В традиционном типе калмыка прослеживаются принципы антропоморфности. Представления об интеллектуальных и внутренних свойствах человека, его эмоциях и чувствах отражаются через определенные части тела. «Внутренний» человек во фразеологии моделируется по аналогии с «внешним» человеком.

4. Национально-специфические особенности содержания калмыцкой фразеологии носят общемонгольский характер. Анализ ФЕ с компонентом-соматизмом позволяет говорить об антропоцентричности языка, что объясняется эгоцентричностью человека.

5. В калмыцкой фразеологии отражается кочевой образ жизни предков калмыков, поэтому много примеров, связанных с основным видом их деятельности – скотоводством. В данном отношении язык выступает как хранитель и транслятор культуры.

6. Фразеологические единицы передают отрицательное или положительное отношение, оценочный компонент присутствует преимущественно в каждом устойчивом выражении.

7. Соматизмы – часть ядра основного словарного фонда языка. Их отличает двуплановость (прямой и переносный смысл) и метафоричность. СФЕ в своей основе представляют результат наблюдения традиционного типа калмыка, познания окружающей действительности.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

I. Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК РФ:

1. Лиджиева А.С. К вопросу о частотности соматической фразеологии в калмыцком языке // Научная мысль Кавказа. №4 (72). 2012. – С.125-127.
2. Лиджиева А.С. К вопросу о частотности функционирования названий частей тела в составе соматических фразеологизмов русского и калмыцкого

языков // Вестник Адыгейского государственного университета. №4 (107). 2012. – С.187-191.

3. Лиджиева А.С. Соматические фразеологические единицы в традиционной калмыцкой культуре (на примере лексемы «язык») // Научная мысль Кавказа. №2 (74). 2013. – С.142- 145.
4. Лиджиева А.С. Соматические фразеологические единицы в калмыцкой культуре (на примере лексемы «глаза») // Историческая и социально-образовательная мысль. №3 (19). 2013. – С.154-157.

II. Статьи, опубликованные в сборниках научных трудов:

5. Лиджиева А.С. К вопросу о частотности названий частей тела человека в составе соматической фразеологии калмыцкого языка // Материалы III Международной научно-практической конференции «Язык, культура и межкультурная коммуникация». Монголия, г. Ховд, 2012. – С. 190-195.
6. Лиджиева А.С. К вопросу о частотности соматической фразеологии (на материале национальных версий героического эпоса «Джангар») // Материалы Международного конгресса «Фольклор монгольских народов: историческая действительность». Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2013. – С. 544-551.
7. Лиджиева А.С. Функционирование соматических фразеологических единиц в калмыцком языке (на примере лексем шүдн «зубы» и көл «ноги, нога») // Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвященная юбилею профессора КалмГУ В.И. Рассадина. Элиста: Издательство КалмГУ, 2014. – С. 261-263.
8. Лиджиева А.С. Соматические фразеологические единицы в калмыцкой культуре (на примере лексемы «амн» - рот) // Межвузовский сборник научных статей «Русская речь в инонациональном окружении». Элиста: Издательство Калмыцкого университета. Вып.7, 2013. – С. 51-57.
9. Лиджиева А.С. Соматические фразеологические единицы в калмыцком языке (на примере лексемы шүдн «зубы») // Материалы II научно-методической конференции. Городовиковск, Калмыкия, 2014. – С. 71-73.
10. Лиджиева А.С., Сусеева Д.А. Функционирование соматических фразеологизмов в русском языке // Вестник Калмыцкого университета. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2012. №4 (16). – С. 71-74.
11. Лиджиева А.С., Мушаев В.Н. Соматические фразеологические единицы в калмыцком языке (на примере лексемы «көл» - ноги, нога) // Материалы XX Международной конференции, посвященной проблемам общественных наук. М.: Центр гуманитарных исследований «Социум», 2014. – С. 82-85.
12. Мушаев В.Н., Лиджиева А.С. О соматической фразеологии в русском и калмыцком языках // Вестник Иссык-Кульского госуниверситета им. К.Тыныстанова. – Вестник ИГУ, Киргизия. 2014. №27. – С. 139-145.
13. Лиджиева А.С., Мушаев В.Н. О соматической лексике в калмыцком языке (на материале исследования Б.Х. Тодаевой героического эпоса

- «Джангар») // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Иссык-Кульского государственного университета им.К. Тыныстанова «Гармонизация в современных условиях глобализации и интеграции» (12-13 июня 2015 г) – Вестник ИГУ, Киргизия. Часть III. 2015. №40. – С. 71-76.
14. Лиджиева А.С., Мушаев В.Н. Функционирование соматических фразеологизмов в калмыцком языке // Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию доктора филологических наук, проф. О.Д. Бухаевой. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2012. – С. 44-46.
 15. Лиджиева А.С., Мушаев В.Н. Соматические фразеологические единицы и вопросы моделирования окружающей действительности в традиционной калмыцкой культуре // Сборник научных трудов «Россия-Монголия: культурная самобытность монголоязычных народов. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2013. – С. 122-128.
 16. Лиджиева А.С., Мушаев В.Н. Соматические фразеологические единицы в калмыцком языке (на примере лексемы «рука, руки») // Российско-монгольский лингвистический сборник [Текст] / под ред. Г.Ц. Пюрбеева. - М.: Институт языкознания РАН: Изд-во «Канцлер», 2015. – С. 389-395.
 17. Лиджиева А.С., Мушаев В.Н. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов с лексемой «голова» в калмыцком и русском языках // Сборник научных статей «Монголоязычные народы: культура, традиции, история». – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2015. – С. 65-69.